

УДК 343.812(47+57)Р

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.71-82

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация;
главный научный сотрудник НИЦ-3, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-1132-760X,
e-mail: matros49@mail.ru

ТЮРЬМЫ РОССИИ ПО СОБСТВЕННОРУЧНОМУ ПРОЕКТУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II 1787 ГОДА (КРАТКИЙ РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР)

Для цитирования

Шурухнов, Н. Г. Тюрмы России по собственноручному проекту императрицы Екатерины II 1787 года (краткий ретроспективный обзор) / Н. Г. Шурухнов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 71–82. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.71-82.

Аннотация. В статье раскрывается содержание проекта (Наказа) о строительстве, обустройстве, организации деятельности тюрем России, подготовленного собственноручно Екатериной II в 1787 году, более 233 лет назад. Доступ к архивным материалам, в частности к изданию, которое именовалось «Русская старина» (ежемесячный исторический журнал), позволил ознакомиться с уникальными проектами, которые должны стать достоянием специалистов пенитенциарного профиля, преподавателей образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний, обучающихся по обозначенному профилю, правозащитников и российской общественности. Оценивая проект, можно с уверенностью сказать, что в нем отсутствует желание по максимуму воздать за содеянное. Напротив, его отличают человеколюбие (свойственное Екатерине II), гуманизм, нацеленность на то, чтобы вернуть оступившегося в общество нормальным гражданином. Проект включал в себя 100 отделений, каждое из которых является логическим продолжением предыдущего, в нем предусмотрено все – от архитектуры самой тюрьмы до ее внутреннего содержания, размеров горниц, расположения столов, скамеек, дверей, печей, окон, больничных тюремных палат и их оснащения, от дежурства медицинского персонала до отчетности и контроля за деятельностью тюрем. Значительное внимание уделено учреждению различных видов тюрем, категориям содержащихся в них заключенных с «человколюбивым обхождением с ними, но при томъ имѣть за ними крѣпкое и неослабное во всякое время смотрѣніе, чтобъ сами себя и никому вреда ни учинили».

© Шурухнов Н. Г., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: императрица Екатерина II, проект, устав, наказ, тюрьма, подстражный, осужденный, горница.

Россия во все времена устремляла свой взор в Европу, старалась изучать лучшие европейские традиции, заимствовать опыт, все передовое внедрять у себя, походить на европейцев в манерах, поведении и даже языке. Возможно, такой подход вначале превратил все российское общество в «младшего брата», а со временем в «пасынка», которым можно понукать, которому в определенный момент можно сделать выволочку и даже вышвырнуть из «дома общего». Российские просторы, природные богатства всегда были привлекательны для ближних и дальних соседей. Россия натерпелась от Европы, но должных выводов для себя не сделала и после развала СССР сразу бросилась в европейские объятия в надежде на то, что многое в ней изменилось. Предметно это выразилось в том, что генеральному секретарю Совета Европы 6 мая 1992 г. было передано письмо, в котором излагалась просьба о присоединении Российской Федерации к Совету Европы (СЕ). При этом давалось заверение соблюдать принципы, составляющие содержание ст. 3 ее Устава (в письме было указано: «Каждый член Совета Европы должен признавать принцип верховенства права и принцип, в соответствии с которым все лица, находящиеся под его юрисдикцией, должны пользоваться правами человека и основными свободами, и искренне и активно сотрудничать во имя достижений цели Совета, определенной в главе I»). Устав СЕ (ETS № 001) вступил в силу для Российской Федерации 28 февраля 1996 г. (Федеральный закон от 23 февраля 1996 г. № 19-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы»). В это время Россия не могла выполнить комплекс требований, относящихся к обеспечению прав человека. Констатировалось, что «правопорядок в Российской Федерации в настоящий момент не соответствует стандартам Совета Европы, закрепленным в его Уставе и развитым учреждениями Европейской конвенции по правам человека» [1, с. 1].

Приведенный вывод не был неожиданностью: российские специалисты на этот счет были более конкретны. В пояснительной записке директора правового департамента МИД России А. Ходакова (от 30 января 1996 г.) указывалось, что «на настоящий момент российское законодательство, за исключением Конституции Российской Федерации, и правоприменительная практика не в полной мере соответствуют стандартам Совета Европы» [1, с. 338]. В качестве негатива называлось устаревшее уголовно-процессуальное законодательство, не обеспечивающее судебный порядок заключения под стражу; переполненность следственных изоляторов, что подпадало под понятие «бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение» с гражданами, содержащимися там.

Однако, несмотря на совпадающие двухсторонние негативные аргументы, 28 февраля 1996 г. Россия была принята в Совет Европы. Справедливости ради скажем, что, вопреки представлениям отдельных политиков, наше государство не стало влиятельным членом этой европейской организации. Заинтересованность в описанном акте была двухсторонней: высшие российские должностные лица полагали, что членство в Совете Европы даст доступ к политической трибуне, чтобы продвигать внешнюю политику России (национальные интересы) (отдельные высшие должностные лица России сравнивали это с присоединением СССР к Организации Объединенных Наций); европейцы видели в этом, прежде всего, экономическую составляющую деятельности СЕ – крупного донора для организации. В подтверждение укажем, что членство в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) в 2014 и 2015 гг. обошлось России в 32

млн 281 тыс. евро (в этот платеж входит не только оплата участия в ПАСЕ (российскую делегацию лишали в ней права голоса), но и затраты на Европейский суд по правам человека и другие структуры Совета Европы. Десятку крупнейших доноров составляли: Франция – 38; Германия – 35; Италия – 35; Россия – 32; Великобритания – 31,8; Испания – 21; Турция – 13; Нидерланды – 11; Польша – 8,2; Швейцария – 7,5 млн евро).

Как показало время, политические и экономические нападки на современную Россию не только не уменьшились, а наоборот – усилились. Если мы будем анализировать исторические факты (посмотрим, что было ранее, 253 года назад), то найдем в них подобное. С этой целью обратимся к организации тюремного дела – собственноручному проекту императрицы Екатерины II «Тюрьмы въ Россіи» [2] (Наказъ Екатерины II, прозкъть устава о тюрьмахъ¹) и увидим, что и здесь европейцы «преуспели», упрекая правителей России.

В 1775 г. императрица Екатерина II учредила Приказы общественного призрения и повелела создать смирительные (для лиц дурного поведения) и работные (для нищих) дома, а в 1783 г. – рабочие дома для воров и мошенников. Такой подход создавал часть пенитенциарной системы, включающей в себя: тюрьмы для содержания подсудимых, смирительные и рабочие дома для других определенных категорий правонарушителей (подсудимых, осужденных («решенных»), приговоренных). Однако идею, предложенную российской императрицей, пытались приписать основателю Гентской тюрьмы², виконту Вилену XIV и известному английскому гуманисту-тюрьмоведу Д. Говарду³ [3, с. 12–16]. Приписывалось влияние Д. Говарда на императрицу при учреждении ей работных, смирительных и рабочих домов, но этот навет опровергнут фактами: Д. Говард написал свое сочинение «О тюрьмах и госпиталях»⁴ в 1777 г. на французском языке, для ознакомления европейцев оно вышло в 1784 г. Наказ Екатерины II вышел в 1767 г., Положение о смирительных и работных домах получило силу закона в 1775 г., следовательно, подготовлено было значительно раньше.

Изучение проекта Екатерины II строительства и организации деятельности тюрем России 1767 г. позволило исследователям сделать вывод о том, что исходные положения, заложенные в нем, опередили европейское законодательство почти на целое столетие [1, с. 60]. Указывалось, что тюрьмы в европейских государствах (Товерь, Бастилия, Консиержери, Тампль) находились в плачевном состоянии. Они наводили ужас и содрогание не только на пребывающих там, но и на созерцающих извне. «Это были или сырые, мрачные башни, безъсвѣта и воздуха, или же смрадные погреба и подземелья, гдѣ господствовали холодъ, голодъ, бользни и смерть. Подсудимые, подслѣдственные, рѣшенные (решенные – имеются в виду лица, по которым суд принял решение: осужденные, приговоренные) всѣхъ возрастовъ безъ различія пола содержались по большой

¹ Структурно устав включал в себя отделения (с номерами) и пункты. Так это именовалось в самом тексте (п. 98 анализируемого документа).

² Гентская тюрьма (Бельгия) была построена в 1775 г. (по другим источникам – в 1773 г.). Содержащиеся в ней заключенные днем совместно работали, а на ночь (для охранения нравственности) водворялись в отдельные камеры. В ней было введено и распределение заключенных по их нравственным качествам на отдельные группы.

³ Джон Говард (1726–1790 гг.) во время Семилетней войны Англии и Франции (1756–1763 гг.) попал в плен и был заключен в тюрьму, где познал все ужасы тюремной жизни.

⁴ Другие источники называют его труд «О положении тюрем в Англии и Уэльсе», 1777 г. издания.

части въобщихъ камерахъ и здѣсь они предавались пьянству, разврату и оргіямъ. Содержаніе арестантовъ было на ихъ собственный счетъ, а потому несостоятельные къ возмещенію этихъ издержекъ содержались і въ темницахъ до самой смерти, хотя бы они были оправданы судомъ или выдержали сроки заключенія» [1, с. 61].

Указывается, что юстиция на такое положение сограждан не реагировала, так как, по устоявшемуся подходу, считалось, что заключение в тюрьму приравнивается к смертному приговору. Уголовное правосудие аналогичным образом глядело на заключенных, по-другому оно смотреть и не могло, так как иного не существовало, других возможностей не было. В это же время уголовные уложения изощрялись в изобретении разнообразных физических истязаний, причинений болей и не только за преступления, но и за проступки, а поиск истины в уголовном процессе строился на пытках. Как свидетельствуют современники того периода, даже императрица отмечала, что при существовании пытки¹ не было возможности оправдываться, поэтому и невиновные возводили на себя обвинение, лишь бы положить конец этим невыносимым страданиям [4, с. 58–59].

Мнения, существовавшие в обществе относительно такого положения заключенных, разнились. Так, юристы считали, что улучшение быта заключенных является излишним, так как они вне закона и не заслуживают никакого снисхождения. Католики и протестанты полагали, что такой подход – справедливое возмездие за их грех и за причиненное ими зло. Вместе с тем имелись и абсолютно противоположные точки зрения. Их выразителями были известные личности – Бентам, Беккария, Блекстон, Монтескье. Не исключено, что приверженцем этих взглядов был Фридрих Великий², который 3 июня 1740 г., вскоре после вступления на престол, запретил пытку за все проступки, исключением являлась государственная измена. Им же в 1754 г. пытка была запрещена и установлен запрет на вешание воров. Следует отметить, что примерно в этот же период императрица Екатерина II отменила в России смертную казнь.

Наказ императрицы был пронизан человеколюбием, осуждавшим жестокость законов. Она отвергла пытку и заключение в тюрьму неоплатных должников (потом это было снова введено). Оригинальным является провозглашенный ей принцип о том, что торжество свободы состоит в том, чтобы наказание соответствовало тяжести преступления. Сделав классификацию преступлений, она пыталась ввести тюремное содержание, в основе которого находились виды наказаний (как производное от противоправных деяний).

Система тюрем по проекту императрицы состояла из двух родов тюрем: уголовные и гражданские (их назначение осталось вне поля зрения проекта). Уголовные включали в себя тюрьмы губерний и уездов (во главе губернии стоял губернатор, во главе города – городничий, уездом управлял земский исправник, капитан-исправник). Структурно

¹ Источники того времени раскрывают содержание следующих пыток:

для поиска истины применялись тиски, сделанные из железа, с тремя полосами с винтами. В них вставлялись два больших пальца правой и левой рук и большие пальцы обеих ног, после чего осуществлялось завинчивание пока обвиненный не признает вину или тиски не будут действовать;

чтобы добиться истины, голова подозреваемого обматывалась несколько раз веревкой, между ними просовывался клин, который крутили так, чтобы это приводило человека в изумление;

для получения правдивых показаний на голове выстригали волосы до тела, и на это место со значительной высоты направлялись капли холодной воды. Подобных способов пытки русская и европейская правоохранительная практика знает множество.

² Фридрих II Великий родился 24 января 1712 г. в Берлине, умер 17 августа 1786 г. в Сан-Суси, Потсдам. Король Пруссии (1740–1786 гг.).

уголовные тюрьмы губерний состояли из трех отделений: подстражной, приговорной, осужденной, уездные – из двух: подстражной, приговорной.

Подстражная часть губернской тюрьмы должна была включать в себя три мужских и две женских горницы (отделения). Екатерина II, обращая внимание на подстражных (подследственных), давала установку на оказание всевозможных снисхождений и рекомендовала ограничивать их свободу лишь в той мере, насколько это необходимо для правильной организации тюремной деятельности. В проекте было приведено примерное описание горниц с точными размерами. По проекту это квадрат с размером сторон в «три сажени» [сажень – русская мера длины, равная трем аршинам (2,13 м)] [5, с. 692] (аршин – русская мера длины, равная 0,71 м) [5, с. 30], высотой две сажени, окно – полтора аршина (такое же расстояние должно было быть от пола до окна), с решеткой из железа. У стены следовало поместить неподвижный каменный стол, а перед ним такую же по конструкции скамью. В углу горницы (к двери) должна выкладываться печь с лежанкой длиной четыре и шириной полтора аршина, с расположением топки печи снаружи. Двери должны были быть двойными, при этом наружная оковывалась железом, замки были крепкие.

Приговорное отделение губернской тюрьмы, в соответствии с проектом, предназначалось для содержания двух категорий заключенных: приговоренных судом к временному содержанию в тюрьме и к направлению в ссылку. Для первых было три мужских и две женских горницы, для вторых – одна мужская и одна женская горницы.

В соответствии с отделением 45 проекта устава о тюрьмах, если лицо содержалось в приговорной более одного срока заседания судебных мест и в этот срок ему не объявлялось решение его дела, то тюремщик («подъ опасениемъ потерянія мѣста» – такая приписка сопровождала все обязанности тюремщика) был обязан об этом доложить. В губернском городе такое сообщение шло надзирающему прокурору, в уездном городе или округе – стряпчему¹, и отослать письмо такого гражданина следовало в совестный суд [совестный суд – губернский суд России в 1775–1862 гг., он рассматривал гражданские дела в порядке примирительной процедуры и некоторые уголовные (малолетних, невменяемых и т. п.)]. За три дня до освобождения тюремщик отделения обязан сообщить тюремщику², а тот – уездному надзирателю тюрем (если его нет, то городничему), для того чтобы в срок освободить приговоренного.

Приговоренные судом к ссылке должны были находиться под неослабным контролем, не имея контактов с обществом, с исключением членовредительства и причинения вреда другим. До их отправления должны приниматься меры, исключающие праздное их пребывание, привыкшие работать люди по полу и физическому состоянию должны трудиться в соответствии с их навыками, под непосредственным надзором уездного надзирателя тюрем. Если ссыльный содержался в тюрьме более одного срока заседания судебных мест и в этот срок не направлен в ссылку, то тюремщик был обязан исполнить все процедуры, предписанные для приговорных отделением 45.

Осужденная часть губернской тюрьмы планировалась из двух отделений. Первая – темница или покаянная для приговоренных судом к смертной казни («кто «судомъ на смерть осуждены»). «...Но да устережется во время покаянія единственно отъ ухода и вреда. Покаяніе же всякъучинить по обряду своейвъры» (отделение 51). Вторая тем-

¹ Стряпчий – в России в 1775–1864 гг. название некоторых судебных чиновников.

² Здесь, ранее и далее имеется в виду должностное лицо, ответственное за тюрьму (ее руководитель, начальник).

ница («вечная тюрьма») – для тех, кто «судомъ на вѣчное содержаніе въ тюрьму осуждены». Осужденный на «вечную тюрьму» содержался отдельно от людей, при наличии надзора, исключаящего его побег или причинение вреда, письменное или словесное общение. Таким лицам чернила, перья, карандаши и бумага выдавались только по разрешению городничего или уездного надзирателя тюрем при условии получения разрешения суда. Они имели право на прогулки на свежем воздухе, могли читать книги, упражняться в рукоделии.

Темницы предполагалось «устроить двухъ-саженныя»: одну для мужского и одну для женского пола (отделение 20). В вечной тюрьме также должны размещаться две горницы – мужская и женская.

Подстражная часть уголовной тюрьмы уездного города включала в себя две горницы – для мужского и женского пола (отделение 10). Подстражным и в губернской, и в уездной тюрьмах первые трое суток запрещалось письменное и словесное общение с кем бы то ни было. Чернила, перья, карандаши и бумага им не выдавались без разрешения городничего или исправника. Городничий, в свою очередь, должен получить одобрение суда. Все написанное подследственным или ему тюремщик передавал городничему.

Если по истечении трех суток лицу, содержащемуся под стражей, не объявлялось, за что он содержится под стражей, или за эти трое суток он не допрашивался, то тюремщик обязывался доложить об этом по инстанциям, которые приводились в отделении 45.

Приговорная часть уголовной тюрьмы уездного города предназначалась для содержания осужденных к временному содержанию в тюрьме и ссылке. В них имелись мужские и женские отсеки. «Горницы уголовной приговорной строить: величиною не меньше трехъ сажень, въ длину и ширину столько же, въ вышину шесть аршинъ, окошки съ желѣзною рѣшеткою, печь топится снаружи, двери двойныя, изъ коихъ наружныя желѣзомъ окованныя, замки крѣпкіе» (отделение 15).

Система тюрем, по замыслу императрицы, строилась на разграничении правового положения всех содержащихся, подстражных, подсудимых и приговоренных (решенных, осужденных). При этом раздельное содержание по полу проходит красной нитью через весь устав.

Отделение 27 было посвящено отношению к заключенным. В нем говорилось: «Съ тюремными вообще обходиться челоувѣколюбиво, но при томъ имѣть за ними крѣпкое и неослабное во всякое время смотрѣніе, чтобъ сами себѣ и никому вреда ни учинили, и для того содержать тюремнаго, какъ въ которой части содержать предписано есть». Приведенное положение регламентировало и безопасность лиц, содержащихся в тюрьмах. С этой целью во время приема доставленного в тюрьму у него отбирались орудия, ножи и все предметы, которыми мог быть причинен вред собственному здоровью или здоровью других.

Вещи, изъятые у доставленных, переписывались, упаковывались в одну связку и передавались на хранение в замок с соответствующей надписью при условии, что при этом не было особого указания уездного надзирателя тюрем или городничего. Вещи подлежали возврату владельцу при выходе его из тюрьмы.

Заключенным выдавались одежда и пища в соответствии с их полом и физическим состоянием. Устанавливалось время приема пищи, проветривания горниц, их уборки. Заметим, что неимущих планировалось содержать и одевать бесплатно, а имущих – за плату («в счет их иждивения»). Особо подчеркивалась необходимость содержания всего в чистоте. Регламентировался пропускной режим, исключаящий вход к заключенным посторонних. «Смотръ накрѣпко, чтобъ къ тюремнымъ никто изъ постороннихъ не хо-

диль, никто ничего не носиль, и разносчиковъ и иныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ, къ тюремнымъ не пускать...» (отделение 33). Исключением являлись приказы уездного надзирателя тюрем и городничего. Предполагалось каждые три часа производить осмотр всех частей тюрьмы с целью установления, все ли заключенные на месте и все ли здоровы.

В проекте было все предусмотрено – от конструкции зданий до размера камер. Тюремны должны были строиться в виде каменного замка, вокруг которого должна располагаться крепкая стена или такой забор, чтобы никто не мог из него уйти и чтобы такие ограждения одновременно требовали минимальное количество стражи. Замки предполагалось строить пространные, не низкие, по возможности, там, где имеется хороший, естественный доступ воздуха, вода (текущая), где безопасно от огня и наводнения. Внутри замка иметь необходимые жилищно-бытовые строения, дворы вымостить камнем. У ворот губернского замка расположить две приемные горницы, в уездном городе – одну.

Предусматривались и каторжные дворы в губернном городе. В них для лиц мужского пола следовало иметь три казармы: первую – для шельмованных, вторую – для скованных, третью – для тех, которые такого «статуса» не имели, и одну казарму для женщин (отделение 22). Казармы каторжного двора рекомендовалось строить аналогично ссылочной. Каторжных предполагалось содержать в строгом отлучении от других людей, так чтобы они не имели письменного и словесного общения с исключением побега и причинения вреда. Они должны были непрерывно работать «кромъ нужнаго чловѣку времени для сна и пищи...» (отделение 55).

Правовой статус уездных надзирателей тюрем и тюремщиков концентрированно прописывался в отделениях с 65 по 88. Предполагалось, что уездный надзиратель тюрем будет выбираться из представленных уголовной и гражданской палатами (палаты гражданского и уголовного суда являлись Всесословной губернской апелляционной инстанцией) Государственным Надзирателем прав и правосудия из «двухъ твердыхъ, исправныхъ и добросердечныхъ кандидатов в обоих столицах».

Уездный надзиратель тюрем должен был осматривать тюрьмы и больницы не менее одного раза в год и уведомлять о содержащихся по уголовным делам – Уголовную палату, по гражданским делам – Гражданскую палату губернии, где они располагались. В таком уведомлении должны были содержаться сведения о состоянии и движении всех лиц, находящихся в тюрьме и больнице, включая переведенных, освобожденных и умерших. Специально выделялось ежегодное уведомление Приказа общественного призрения¹ о тюремных больных и представлении книгодержательской (бухгалтерской) книги Казенной палате – органу финансового управления в губернии, ей руководил вице-губернатор.

Уездный надзиратель по своему правовому статусу не имел права брать под стражу, «или сажать, или запираеть, или распорядить» по своему усмотрению тюремных и больных, он лишь на уровне уезда надзирал за теми местами, где по подозрению содержались под стражей, находились приговоренные и лечились тюремные больные. Он постоянно осуществлял контроль над тем, чтобы все необходимое человеку для сохранения жизни и здоровья (все положенное) доходило до заключенных и больных, содержащихся в тюремной больнице, а также чтобы внутри тюрем и больниц была чи-

¹ По данным различных источников, Приказ общественного призрения был введен Екатериной II «Учреждением о губерниях» в 1775 г. и являлся губернским учреждением.

стога и благочиние и «чтобы никаких неистовств добронравию противных, или обществу соблазнительных в них не происходило».

Более конкретно прописывался правовой статус тюремщика. Он должен был следить, чтобы его подчиненные (тюремщики отделений; сторожа; повара; слуги) прилежно отправляли свою должность. О порядке в замке он должен был еженедельно уведомлять уездного надзирателя тюрем (в его отсутствие – городничего). На него возлагалась обязанность принимать подавания (деньги, хлеб, мясо, рыбу, масло, соль, холст, сукно, дрова). Все это должно было строго идти для употребления (содержания) всех заключенных или кому-то персонально. Все принятое вписывалось книгодержателем в приход (при потреблении – в расход), о чем еженедельно докладывалось уездному надзирателю тюрем.

Тюремщик осуществлял прием доставленных в тюрьму. Ему запрещалось осуществлять прием в тех случаях, если отсутствовали сопроводительные документы – приемный ярлык за подписью городничего или исправника. В ярлыке должен указываться комплекс данных: кем человек направлен; его данные (состояние, имя и «прозвание»); кем доставлен; по какому подозрению или приговору или суду; в какую часть замка его ввести. Получив ярлык, тюремщик отводил прибывшего в приемную, где он находился первые три часа. За это время его данные (пять положений) вносились в книгу, в ту ее часть, где описывались заключенные отделения, в которое следовал арестованный, а также тюремщик докладывал уездному надзирателю тюрем (при его отсутствии – городничему), который напоминал, чтобы «съ точностию пять запросовъ вх тюремную книгу внесены были» (отделение 73).

Исходя из установленного правового статуса тюремщик самостоятельно не мог взять под стражу, посадить, запереть, выпустить, снять с кого-либо оковы при отсутствии соответствующего указания. В тех случаях, когда, вопреки решению суда, заключенный сам с себя или с иного заключенного самовольно снял железо, или осуществил подготовку к побегу, или оказался непослушным, тюремщик имел право отвести такое лицо в темную тюрьму. Об этом он немедленно должен был доложить уездному надзирателю тюрем, а при его отсутствии – городничему и получить соответствующие приказания. При решении перечисленных вопросов самостоятельно тюремщик немедленно подлежал наказанию.

Отделение 76 устава было посвящено запрету брать взятки. В том случае, если «буде же кто тюремщику что подарить или посулить то, не мѣшкавъ, о томъ объявить уѣздному надзирателю тюрем, или городничему, или уѣздному стряпчему».

Тюремщикам отделений предписывалось содержать заключенных в горницах на замках и быть ответственными за хранение ключей, следить за чистотой горниц, ежедневным проветриванием пустых горниц: летом путем открытия окон на весь день, а зимой – на один час. В тех помещениях, где содержались заключенные, проветривание осуществлялось путем открытия окон (как удобно), а зимой – на короткое время.

На тюремщиков отделений, кроме основных обязанностей по надзору за содержащимися, возлагались обязанности по осуществлению контроля за своевременной выдачей пищи, топкой печей в холодное время года (чтобы арестанты не страдали от стужи, а в летнее время от жары и духоты). Они также были обязаны следить, чтобы заключенные носили пристойную одежду, чтобы конвоирование (в горницу и из горницы) осуществляли не менее трех человек: тюремщик отделения и два сторожа.

Рассматриваемым уполномоченным лицам запрещалось переводить, отпускать или отправлять заключенных без приказа того места, где кто из них был подсуден, или

без Именных и Сенатских указов, но при этом информировать эти инстанции, а также брать взятки, снимать или накладывать железа, переводить из номера в номер. В тех случаях, когда требовалось сделать это экстренно без разрешения, следовало немедленно доложить об этом тюремщику.

Тюремщик отделения не допускал, чтобы кто-либо приносил передачи заключенным. В таком случае он направлял пришедшего к тюремщику, который поступал в соответствии со своими полномочиями, так чтобы замку не был причинен вред либо неистовство. Анализируемые должностные лица не имели права передавать содержащимся сверх нормы, установленной судом или уездным надзирателем.

Тюремщик и тюремщики отделений принимали специальную присягу и давали клятву «...оную преступать и упуцать, не буду ни для вражды, ни для дружбы, ни для родства, ни для лицемерия...», «...сурово с ними (тюремными. – *Н. Ш.*) поступать не буду, но челоуьколюбиво, без послабления; подарковъ, посуль и взятковъ ни отъ кого брать не буду» (отделение 70).

Были закреплены вопросы бухгалтерского учета. В частности, в отделении 89 бухгалтеру (книгодержателю) предписывалось иметь писаря и прошнурованную книгу за печатью уездного надзирателя тюрем. В нее должны были вноситься все данные, связанные с получением денег, съестных припасов, полученных от доброхотных людей, и их расход. Рекомендовалось съестные припасы приобретать добротного качества, с распиской купцов. О всех расходах бухгалтер должен ежемесячно подавать ведомость уездному надзирателю тюрем, а по истечении года – и всю шнурованную книгу для рассмотрения.

Значительное внимание в проекте устава о тюрьмах уделялось обустройству больниц, деятельности докторов, отношению к больным. Тюремные больницы выделялись состоящими из двух (мужского и женского) отделений. В каждом из них предполагалось иметь в губернских городах по пять горниц, в уездных городах – по три (отделение 26). Заключенные в тюремную больницу принимались бы после осмотра доктором или лекарем или по их записке. Для принятия родов по разрешению доктора или лекаря из города приглашалась повивальная бабка. Судьбу родившегося младенца определял Приказ общественного призрения (отделение 57).

При поступлении больных в больницу у поступающих следовало отбирать их одежду и обувь, вместо них должны выдаваться «халать холстинный, рубашка, колпак, чулки, портки и туфли. То же самое чинить и съ больными женщинами». Изъятые таким образом вещи переписывались, собирались в одну связку и хранились под соответствующей фамилией в больнице. Выдавались они выздоровевшим в день выхода из больницы.

Предполагалось учредить больницы в тюрьмах губернских городов для размещения десяти больных, в уездных – шести. Это количество было предельным, запрещалось помещать сверх установленного лимита. При обращении больных к тюремщику отделения он информировал тюремщика с приглашением лекаря или доктора, которые давали предписание о помещении в больницу. Больничные постели должны быть всегда в готовности, с тремя комплектами белья на человека. У каждого больного под кроватью должен быть небольшой столик, покрытый «вощанкою», со стаканом, оловянной кружкой и маленьким колокольчиком, чтобы звать «сидьльниковъ» (отделение 60).

Горницы предписывалось держать в чистоте и окуривать два раза в день, проветривать, как предпишут доктор или лекарь, сидельники должны были быть там постоянно (неотлучно). Пищу готовить для всех общую, за исключением тех, которым доктор или лекарь предпишут иное. Обедать больные должны были в десять часов поутру, а

ужинать в шесть часов вечера. Устанавливался запрет на присутствие в больнице посторонних, а также говорилось о строгом надзоре за больными, чтобы они никуда не отлучались и не могли причинить себе вред.

Тюремная больница предназначалась для заключенных (неимущие содержались безденежно), однако если в больнице две трети мест были свободны, то принимались иные больные (по записке городничего или исправника). Бедных и неимущих предполагалось содержать и лечить безвозмездно, а имущих – за плату. Цена за лечение должна устанавливаться весьма умеренная.

Тюремная больница находилась в подчинении уездного надзирателя тюрем. Его указания являлись обязательными. Если в тюремной больнице отсутствовал особый доктор, то осмотр больных осуществлял уездный доктор (отделение 91). Доктор еженедельно должен был уведомлять уездного надзирателя тюрем о состоянии больных, следить за их лечением и пищей, выдаваемой по его предписаниям. О лекарственных препаратах его указание распространялось на лекаря и аптекаря. В тех больницах, где не было доктора, исполнение перечисленного возлагалось на лекаря. При обнаружении больных заразными болезнями уведомлялся смотритель тюремной больницы, который такого больного немедленно помещал отдельно, чтобы не было распространения болезни.

Доктор должен посещать больных утром через день или через два, а при операциях находиться при больных.

Лекарю (где их более одного, то дневальному) при посещении больных следовало быть вместе с доктором, но в те дни, когда доктор отсутствует, утром производить осмотр больных, прописывать им необходимые лекарства, а также днем часто осматривать больных, чтобы исполнялось все предписанное и обо всем докладывать доктору.

Лекарь, где их более одного, то дневальный, должен ежедневно словесно уведомлять уездного надзирателя тюрем (если он отсутствует, то городничего) о состоянии больных, нужных операциях, перевязывании ран. «Кровопускание делать профессионально с усерднейшим прилежанием и наблюдать за ним» (отделение 96).

Подлекарю во время приема лекарств следовало быть около больных и смотреть, чтобы не произошло какого-либо недоразумения, в остальное время он должен исполнять распоряжения дневального лекаря (отделение 97).

Смотритель тюремной больницы должен следить за чистотой, порядком, своевременной выдачей пищи, приготовленной по предписанию доктора, размещением больных в зависимости от их болезней, чтобы отобранная у них одежда хранилась должным образом. В подчинении смотрителя тюремной больницы находились сторожа, сидельники, повара, нижние служители. В его обязанности входило следить, чтобы каждый из них прилежно отправлял свою должность. О деятельности больницы смотритель ежедневно информировал уездного надзирателя тюрем при отсутствии городничего. Добровольные подаяния им принимались и фиксировались в установленном порядке.

Первого числа каждого месяца предполагалось проводить собрание с присутствием: доктора, лекарей, смотрителя и книгодержателя (бухгалтера). Если собрание вносило предложения, относящиеся к больным, то уездный надзиратель тюрем мог доложить об этом Приказу общественного призрения.

Заключительное отделение 100 регламентирует оформление медицинской документации. В нем говорится о том, что, кроме уведомлений, доктор должен ежедневно вести записи о числе и звании больных, рекомендациях по лечению, с изложением собственного мнения, для того чтобы в последующем такая книга могла быть изучена для проведения докторских консилиумов. Местом ее хранения являлся архив.

Представленный материал нуждается в развернутом заключении. В качестве такого выскажем следующие суждения.

1. Примечательно, что императрица предусматривала: систему тюрем, их внутреннюю структуру; классификацию заключенных и систему их содержания, правовое положение; организацию деятельности тюремной администрации; устройство и деятельность тюремных больниц, порядок содержания в них больных; правовой статус различных категорий должностных лиц (уездного надзирателя тюрем, доктора, смотрителя больницы). Спустя столетие специалисты писали, что «...подробности сяноваго проэкта поразительны по своей глубокой обдуманности и гуманности, и съдѣлали бы честь даже современному тюремному уставу» [1, с. 64]. Предложенное Екатериной II во многом сходно с положениями, выработанными в последующем на тюремных конгрессах.

2. Проект тюремного устава – Наказ императрицы Екатерины II являлся обстоятельным, своевременным организационно-правовым документом Российской империи, в определенной степени он определил эпоху. Можно представить положительные и отрицательные стороны его внедрения в практическую жизнь России. Возможно, и освоение российских отдаленных регионов осужденными было бы иным.

3. Императрица не ограничивалась только формированием и провозглашением нравственно-правовых принципов деятельности тюрем, отношений к заключенным, она стала внедрять положения Наказа в практическую деятельность. В частности, установила содержание заключенных (их тогда именовали колодниками, невольниками) за счет государства. До этого периода они содержались за собственный счет либо за счет благотворителей или питались милостынею, которую собирали на улицах и по торгам. Однако внедрить все предложенное ей не представлялось возможным по ряду различных причин, прежде всего экономических.

4. Екатерина II, совместно со своими сподвижниками, готовила значительное множество стратегических организационно-правовых документов. Важнейшим и имеющим отношение к изложенному является «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (указ от 7 (18) ноября 1775 г.). Этот документ, принятый 245 лет назад, предназначался для проведения губернской реформы. До этого в России было 23 губернии, они разделялись на провинции, а провинции – на уезды. Губернии были разукрупнены из расчета, чтобы в одной губернии проживало 400 тыс. чел. Таким образом, в России стало около 50 губерний, которые включали в себя уезды (20–30 тыс. населения). Мы специально привели этот документ для того, чтобы всем стало понятно, что с экономической точки зрения внедрить Наказ императрицы не представлялось возможным: сколько нужно было построить тюрем, сколько следовало иметь руководящего и обслуживающего персонала (из приведенного материала это достаточно хорошо видно). Понятно, что это было бы огромным шагом вперед, но возникает вопрос, что за этим могло последовать.

5. Вникнув в смысл указанного документа и имея представление о содержании [6, с. 465–480] Инструкции смотрителю губернского тюремного замка 1831 г., мы делаем предположение, что разработчики второго позаимствовали идеи, изложенные в Наказе, уставе императрицы Екатерины II. Такое предположение базируется не только на структуре, но и на содержании.

Библиографический список

1. Бурков А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М. : Волтерс Клувер, 2010. 448 с.

2. Тюремьы въ Россіи, собственноручный проэктъ императрицы Екатерины II. Сооб. М. Филипповъ // Русская старина. Ежемѣсячное историческое изданіе. Годъ четвертый. I июль. 1873 годъ. Санктпетербургъ. Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49-2). 1873.

3. Мелентьев М. П. Возникновение и развитие пенологии и пенитенциарной науки. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2000. 250 с.

4. Обрядъ как обвиненный пытается // Русская старина. Ежемѣсячное историческое изданіе. Годъ четвертый. I июль. 1873 годъ. Санктпетербургъ. Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49-2). 1873.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : ТЕМП, 2000. 944 с.

6. Шурухнов Н. Г. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 года: основное содержание, сущность, актуальность // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4), № 4. С. 465–480.